

• ЕГО НАЗЫВАЮТ «СОВРЕМЕННЫМ БУЛГАКОВЫМ»

Вари борщ, который нравится тебе самому

Роман Владимира ОРЛОВА "Альтист Данилов" влетел в литературу подобно бомбе. До сих пор удивляет, что писателю удалось опубликовать его в начале 80-х. С этого мы и начали разговор с писателем.

- Перед этим у меня в том же "Новом мире" был разобран роман "Происшествие в Никольском". Редакции нужно было предпринять много тактических ходов, чтобы начальство прочитало или не прочитало "Альтиста Данилова" до публикации. Это дело продолжалось три года.

- Но кто-то же помог?

- Попросили композитора Щедрина написать внутреннюю рецензию. Рукопись он, правда, тоже продержал долго,

своих забот хватало, но отнесся к роману очень по-доброму, даже решил сделать предисловие. Это очень помогло продвижению внутри журнала. Мне тогда ничего не давали понять, но недавно было сделано такое предположение: журнал все время публиковал Брежнева, и вот от Брежнева до Брежнева на журнал смотрели сквозь пальцы - можете публиковать что-нибудь эдакое, чтобы интеллигенция журналом интересовалась. В тот год бы-

ли, кроме меня, напечатаны "Буранный полустанок", "Живая вода", другие долго лежавшие вещи. Но, повторяю, все это на уровне предположений, догадок.

- А почему вы не любите давать интервью?

- Для этого есть несколько причин. У людей может в последнее время сложиться впечатление, что, во-первых, сегодня быть писателем - это как бы быть скандалистом. Весь внутренний писательский мир вышел на страницы газет, и стало видно, как много писателей занимаются политикой и поиском мест, удобных для жизни и публикаций. Хотя впечатление это отчасти ложное, но все это снимает бывшее почтение перед литературой.

Окончание на с. 6

• ОПОРА ДОБРЫХ СИЛ - ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА

Вари борщ, который нравится тебе самому

Окончание.

Начало на с. 1

Во-вторых, как-то после одного из моих интервью ко мне подошла Зоя Богуславская и сказала: "Володя, вы зря это сделали, никогда не нужно рассказывать, "из какого сора..." И я понял, что какая-то истина в этом есть. Какая-то тайна должна оставаться за тем, что написано. Она и для тебя тайна, начинаешь объяснять, откуда что берется, - все неправда в этой расшифровке. Я думаю, писатель должен заниматься своим делом, а не политическими сварами или борьбой.

- Существуют два мнения - первое, что вы пишете, опираясь на реальные ситуации, искусно камуфлируя их, но имея в виду политическую ситуацию в стране, и второе - что вы работаете в своем творчестве над двумя-тремя вечными проблемами, и все остальное вас глубоко не касается.

- До восьмидесят девятого года политическая ситуация меня очень волновала. Но теперь я понимаю, что ничего не значу во всей этой борьбе и смуте. После "Аптекаря" меня многие упрекали, что я не пишу на злобу дня. Но я не могу писать на злобу дня! События могут как-то отразиться в моих произведениях, но описывать саму реальную политическую ситуацию мне глубоко неинтересно. И я ничего не зашифровываю, все получается импровизационно. Что-то в тебе возникает непроизвольно, и дальше идет импровизация. Все три последние вещи ("Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука") я начинал, не зная, что будет через сто страниц. Меня упрекали, что не очень удался конец "Альтиста", но в тот момент я уже знал, что может дальше произойти, и мне было уже немножко скучновато.

- Тем не менее вас сравнивали с Булгаковым...

- Да, все тогда вспоминали Булгакова. Александр Чаковский, редактор "Литературки", пустил тогда фразу: "Булгаков для бедных". Хотя сама по себе она странна, эта фраза, кто эти бедные, для кого публикуется другой Булгаков? Но я тогда все это нервно воспринимал, на каждой встрече мне об этом говорили. А потом я получил письмо от Сергея Александровича Ярмолинского, ближайшего друга Булгакова. У него интерес-

нейшие воспоминания о Булгакове вышли, он долго помогал сохранять булгаковский архив. И вот в конце письма были такие слова: "Вам теперь придется тяжело, многие будут в связи с вами говорить о Булгакове, но это будет мнение тех людей, которые имеют поверхностные представления о Булгакове и о вашем романе. А связывает вас с Булгаковым мужественность поступка и раскованность писательского воображения". С тех пор я спокоен, как бы получил охранную грамоту.

- Вас, Анатолия Кима, Айтматова, Амирэджби пытались заставить признаться, что все вы вышли из Маркеса.

- Есть писатели, которые вошли в твою плоть и кровь, оказали влияние, - для меня это Гофман, Гоголь, Булгаков, а есть те, что произвели впечатление и не больше, как, например, тот же Маркес.

- А что вы думаете о сегодняшней литературе?

- Это вы про андеграунд и постмодерн? Я все это уже давно читал, и в лучшем виде. Здесь все держится на приемах, а мне это не совсем интересно. Соц-арт для меня просто скучен и в литературе и в живописи. В искусстве я люблю тепло, а это холодное искусство, однозначное. Хотя я не берусь критиковать, а говорю исключительно про свои литературные вкусы и пристрастия.

- Так что же вам сегодня хочется читать?

- Прошло уже то время, когда на вопрос, что бы ты взял с собой, если бы полетел в космос, все отвечали: Первую симфонию Чайковского или "Как закалялась сталь". Любимой книге требуется свое время, настроение. "Анна Каренина", такая любимая книга, которую я знаю почти наизусть, совсем не пошла. А пошел испанский плутовской роман "Дон Кихот". Недавно своим студентам в Литинституте давал задание написать вариации по "Манон Лес-

ко" и "Золотому ослу". Перечитал эти произведения и сам, с большим удовольствием.

- А сами студенты для вас интерес представляют?

- Да, как раз те ребята, которые сейчас начинают писать, работать, для меня интересны. Работа со студентами, кстати, меня тоже подтолкнула к тому, что я опять начал писать. Я вижу, чем они интересуются, получаю от них какую-то информацию. Хотя это была какая-то сотая причина, но даже как-то стыдно было - их наставляю, учу, а сам...

- Подобная независимость - редкость в наше время. От политической ситуации независимы, от учеников независимы, от современной литературы - тоже. И от читателя вы независимы?

- После "Альтиста" у меня было много встреч. Очевидно, мне надо было выговориться. Но это прошло со временем. Не скажу, что тот факт, что моя книга нашла миллионы читателей, меня никак не тронул. Тем более что она была напечатана в двух десятках стран. После "Альтиста" я не то чтобы стал на читателя оглядываться, пытаться ему угодить, но почувствовал какую-то ответственность, да просто стал об этом думать. Но потом понял, что это не нужно. Если есть что-то в твоей работе, твоей личности, оно само за себя скажет, само может прозвучать, независимо ни от чего совершенно. Я пишу так, чтобы мне самому было интересно. Если ты готовишь борщ, то готовишь его так, чтобы тебе самому было вкусно его есть, правда?

- Владимир Викторович, от "Аптекаря" до "Шеврикуки" прошло столько времени, что читатель успел заждаться...

- Да, действительно, у меня был период, когда я просто не мог писать, после "Аптекаря"... Мне казалось, что все сейчас живут другим, вокруг происходит столько важного, а то, что я делаю, никому не нужно. Я не отрывался от телевизора и газет - я этим жил. Но как-то на даче я нашел газету, которую читал год назад. Я вспомнил, что читал ее целиком, переживал ужасно. Мне это казалось таким важным, значительным... И вот я перечитал эту газету и словно очнулся... И опять начал писать. Я понял, что должен писать, хотя бы для себя. И опять увидел в этом смысл. Делать свое дело - единственный способ не чувствовать себя "человеком из очереди". А что касается абсурда сегодняшней жизни, то в своем последнем романе я хочу показать, что опора добрых сил - внутри человека, показать, что выходы есть. И для персонажей моих, и для меня самого, и, может быть, для тех людей, среди которых они существуют.

Беседовала
Лариса ВИННИК
Фото А. КАРЗАНОВА

845

Аргументы и факты - 1993 - май (№2) - с. 1, 6

05.03.2

Орлов Владимир